

Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 16, Ответ либерализму

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия номер 16, «Ответ либерализму».

Давайте просто вспомним, где мы были. Надеюсь, вы хорошо отдохнули. Вот мы и здесь. Похоже, это вторая половина семестра? Кажется, первая половина пролетела довольно быстро.

По крайней мере, так было со мной. Но в любом случае, сейчас мы видим, как маятник снова качнулся назад, небольшая реакция на евангельскую силу 19-го века, 18-го, 19-го века. Мы также говорили о трех важных движениях евангельского возрождения.

Теперь мы получаем небольшой отпор, так сказать, по этому поводу. И мы говорим о либеральной теологии. Теперь, я бы не стал говорить о либеральной теологии, когда у нас был день GE, но так оно и было.

Итак, я надеюсь, они поняли, что я просто объяснял либеральную теологию. Я не отождествлял ее с колледжем Гордона или чем-то еще, но я надеюсь, что они это поняли. Давайте молиться, чтобы так и было.

Итак, мы дали предысторию, а затем мы дали некоторые основные теологические выводы либерализма. И последнее, что мы сказали, если я прав, последнее, что мы сказали, было то, что, по иронии судьбы, либерализм повлиял как на правых, так и на левых в христианстве. Он оказал влияние на правых в плане христианского опыта, и, конечно, на евангелизацию и возрождение, а протестантизм, возможно, в целом, подчеркивает личный религиозный опыт Христа и верующего и так далее.

Часть этого влияния была классическим протестантским либерализмом. Теперь, это связь, которую многие люди никогда не увидят. Конечно, люди в евангельской традиции или в более фундаменталистской традиции никогда не подумали бы, что часть причины их акцента на опыте исходит из классического протестантского либерализма.

Они никогда не сделают эту связь. Слева это сделало связь с социальным евангельским движением через Раушенбуша. И мы говорили о Шлейермахере, но мы также упомянули Вальтера Раушенбуша.

Итак, слева, социальное евангельское движение, но мы сказали, что пытаемся это тщательно отметить. Последняя биография Раушенбуша определяет Раушенбуша как евангелиста, потому что исторически евангелисты беспокоились о бедных. Они беспокоятся об изгоях, беспомощных, бездомных, маргинализированных и, конечно, о социальном евангельском движении.

И сам Вальтер Раушенбуш был этим обеспокоен. Поэтому мы не говорим, когда мы говорим, что это повлияло на левых, мы не говорим, что это обязательно плохо. Это оказало влияние на левых своей заботой о социальном аспекте евангелия.

Но опять же, многие люди не видят связи между социальным евангелием и либерализмом. Так что либерализм палка о двух концах. Теперь давайте посмотрим на оценку либерализма, некоторые сильные стороны, и оценку классического протестантского либерализма, некоторые слабые стороны.

Итак, давайте рассмотрим движение, которое было начато Шлейермахером. И, кстати, я также пытался подчеркнуть, насколько важен Шлейермахер. Надеюсь, я донес это до вас.

Он был критически настроенным человеком, потому что он как бы переформировал и переосмыслил протестантское мышление, протестантскую доктрину и так далее, и сделал акцент на опыте. Так что я довольно критически настроенный человек. Ладно, некоторые основные... О, мы получили... Нет, мы не дошли до основных теологических выводов.

Мы не добрались до В. Извините. Мы не добрались до В, а затем мы переходим к С и D. Итак, позвольте мне сначала перейти к В, некоторым основным теологическим выводам классического протестантского либерализма. Итак, ладно.

Прежде всего, классический протестантский либерализм был формой идеализма. Это была своего рода вера в то, что вся реальность сформирована божественным разумом. Таким образом, существовал идеалистический вид теологического центра для классического протестантского либерализма.

И из-за такого идеализма классический протестантский либерализм видел реальную преемственность между божественным и человеческим, а не разрыв между божественным и человеческим. Они видят преемственность между божественным и человеческим. И эту преемственность между божественным и человеческим они считали хорошей вещью.

Теперь, мы поговорим о некоторых сильных и слабых сторонах позже, но они видят в этом что-то хорошее. На самом деле, некоторые из классических

протестантских либералов, следующих за Шлейермахером и за такими людьми, как Раушенбуш, говорили, что из-за преемственности между божественным и человеческим, мы выступаем против материализма нашего века. Мы выступаем против жадности нашего века, где человеческая жизнь вращается вокруг себя, а не вокруг понимания себя в отношениях с божественным.

Итак, эти люди хотели видеть такую преемственность божественного и человеческого, а не разрыв. Итак, мы также должны принять во внимание основное теологическое заключение этих людей; они были очень оптимистичны в отношении будущего. Эти люди, и мы увидим некоторые сильные и слабые стороны через минуту, как это разыгралось, но они были очень оптимистичны в отношении будущего.

Они считали этот мир в конечном счете очень рациональным миром, движимым и мотивированным божественными заботами и рациональным разумом. Теперь я просто пытаюсь понять, как все работало теологически, начиная со Шлейермахера. Когда мы говорим о рациональном мире, мы видим его с другой стороны.

Мы смотрим на это с точки зрения 21-го века. Мы пытаемся понять, как это работало со Шлейермахером в 19-м веке и начале 20-го века. Так что они были очень оптимистичны.

В этом нет никаких сомнений. Так что они действительно стремились подчеркнуть неизбежность Бога. Бог неизбежен.

Он с нами. Он здесь, среди нас. Вместо того, чтобы подчеркивать трансцендентность Бога, Бог — святой другой.

Для классических протестантских либералов акцент был на том, что Бог здесь. Теперь, когда они говорят о Боге, который здесь, Боге, который среди нас, Боге, который с нами, они имеют это в виду двумя способами. Прежде всего, они имели это в виду в терминах естественного мира.

Итак, они видели Бога через творение Бога, через естественный мир, и так далее через природу. Однако, второй путь был через общество и работу социальных групп. Когда общество работало на благо человечества, они видели это как своего рода божественного неизбежного Бога, работающего через общество, чтобы сделать лучше то, что он создал изначально.

Итак, близость Бога. Бог прорывается в наш мир, в природу, прорывается в общество и т. д. Еще один теологический вывод заключается в том, что они придавали большое значение естественному закону Бога, естественной теологии.

Так что естественная теология — это своего рода Бог, реализующий свои цели через естественный мир, через нашу совместную жизнь, в некотором смысле. Они рассматривали естественный закон как закон, которому нужно следовать, и они думали, что этот закон был очень прогрессивным законом. Мы собирались двигаться в очень хорошее время.

В каком-то смысле, для этих людей наступает хорошее время. Так что они были очень оптимистичны, опять же, по поводу будущего. Так что еще один теологический вывод заключается в том, что они отрицали доктрину первородного греха.

Они не видели доктрины первородного греха. Они были слишком рационалистичны и слишком оптимистичны, и они были слишком оптимистичны в отношении отношений Бога и человечества, чтобы верить в какой-либо первородный грех. Они верили в греховные действия, конечно.

Я имею в виду, вы не могли просто посмотреть вокруг, и вы увидите греховные действия. Но первородный грех, греховная природа, которая двигала всем человечеством, отделяла все человечество от Бога, они этого не видят. Они в это не покупаются.

Итак, первородный грех для них как бы отсутствует. И затем, наконец, для этих людей центральным становится этика. Истинный признак любой религии, включая христианство, заключается в том, ведете ли вы этическую жизнь. Ведете ли вы моральную жизнь? Итак, этика становится центральным.

Теология и доктрина стали периферийными, насколько это касается этих людей. Так что этика становится своего рода сердцем дела и тем, по которому вы судите о христианстве и всех других религиях. Так что здесь есть очень этический мандат.

Итак, есть эти основные теологические выводы либерализма, и эти люди излагают их довольно серьезно в своих книгах. Такие люди, как Шлейермахер в своей книге о речах к культуре, презируют религию. Итак, теперь давайте перейдем к тому, где, как я думал, мы были.

Итак, теперь я знаю, где мы находимся. С, оценка сильных сторон либерализма и оценка слабых сторон либерализма. Итак, сначала разберемся с сильными сторонами.

Теперь, к сожалению, для классического протестантского либерализма у меня больше слабостей, чем сильных сторон. Я думаю, что в движении были некоторые сильные стороны, и, безусловно, были вещи, которым мы могли бы

научиться у классического протестантского либерализма, но в движении были и некоторые слабости. Хорошо, первая сильная сторона.

Чему я учусь, когда читаю Шлейермахера? Итак, когда я беру Шлейермахера, что он мне дает? Что он вносит в мой интерес к теологии? Итак, первая сила — это открытость истине. Я ценю это у таких людей, как Шлейермахер. Есть открытость истине и желание быть верным истине, приверженность истине, не бояться истины, откуда бы она ни исходила, будь то научная истина, философская истина или математическая истина, не бояться ее, а принимать ее, потому что Бог — автор всякой истины.

Так что классический протестантский либерализм, я думаю, в этом отношении довольно хорош. Я имею в виду, начиная с таких людей, как Шлейермахер. Так что мы должны хотеть. Это одна сильная сторона.

Еще одна сильная сторона, которую я считаю настоящей силой, — это готовность критиковать изнутри. Классический протестантский либерализм был готов быть самокритичным. Где мы правы? Где мы не правы? Давайте будем критичными изнутри.

Давайте будем открытыми. Давайте будем честными. Давайте будем прозрачными в том, что мы считаем правдой, и давайте работать над этими вещами.

Итак, это своего рода самокритика, и для меня это добродетель быть самокритичным. Третья сильная сторона классического протестантского либерализма, и это, я просто оставлю здесь портрет Раушенбуша, но третья сильная сторона - это очень преданная социальная забота, которую движение, в целом, имело, забота о бедных, забота об изгоях, забота о беспомощных, бездомных, маргинализированных в жизни. И никто не является лучшим примером этого, чем Вальтер Раушенбуш и его движение, движение социального евангелия.

Но как я уже сказал, Вальтер Раушенбуш тоже в некотором роде евангелист. Так что Вальтер Раушенбуш не был человеком, который отбрасывал личные аспекты Евангелия, личное обращение, служение Святого Духа с индивидуумом и так далее. Но он был очень озабочен социальным строительством по образцу Царства Божьего. Так что я это ценю.

Так что, было много сильных сторон либерализма, но есть, я думаю, подавляющие слабости, которые в конечном итоге действительно сделали движение. И вы не можете игнорировать эти слабости.

И даже сегодня, среди классических протестантских либералов, я думаю, им приходится сталкиваться с этими слабостями. Так что, ладно. Так что позвольте мне уделить этому немного времени.

Но прежде всего, я бы сказал, что классический протестантский либерализм, в целом, теперь не имел библейского взгляда на Бога. Я думаю, что с их пониманием взаимоотношений божественного и человеческого они низвели Бога до нашего уровня. Поэтому они не смогли принять библейский взгляд на Бога.

И под этим я подразумеваю суверенного Господа, хранителя вселенной. Он действует по естественному закону, но иногда он действует и по чудесному. Поэтому я не думаю, что у них было хорошее, основательное библейское представление о Боге, целостное библейское представление о Боге.

Они подчеркивали только близость Бога. Они забыли о трансцендентности Бога, величии Бога, славе Бога. Он достоин нашего поклонения из-за того, кем он является, и так далее.

Итак, это первое. Я думаю, что библейского взгляда на Бога в целом не хватает. Я не говорю о таких людях, как Раушенбуш, но в целом, среди классических протестантских либералов, я бы сказал, что это правда. Хорошо, номер два, вас это не удивит, но у них не было библейского взгляда на Христа, потому что для них Христос становится моделью, примером, нашим моральным примером, нашим моральным авторитетом, этичным человеком.

Ну, Христос был этим, но он был также Богом. Он был также Богом во плоти. Поэтому они подчеркивали его человечность, но пренебрегали его божественностью.

И если вы собираетесь быть правдивым христологически, вы должны принять и то, и другое. Он был полностью Богом и полностью человеком, но полностью человеком и полностью Богом. Так что, просто своими писаниями, своими действиями они отрицают, что он был полностью Богом, потому что многие из них верили, что он родился от Марии и Иосифа.

Он пришел в этот мир как хороший моральный человек, хороший этический человек, и только его этику мы хотим принять, как Нагорную проповедь, например. Поэтому я бы сказал, что были некоторые, кто все еще, вероятно, принимал его как полностью Бога, но движение в целом определенно отрицало полную божественность Христа, воплощение и спасение на кресте и все, что с этим связано. Хорошо, номер три.

Это очень важно, я думаю. Ну, я думаю, они все важны. Я думаю, это те вещи, о которых нам нужно думать, когда мы думаем о классическом протестантском либерализме.

Но третья вещь важна, но иронична. Третья вещь заключается в том, что классический протестантский либерализм оказался в рабстве у культуры, в которой он работал. И причина, по которой они оказались в рабстве у культуры, заключается в том, что, хотя они хотели говорить с культурой, они часто не говорили с ней пророчески.

Хотя они хотели обратиться к культуре, они часто не делали этого пророчески. Они часто становились связанными с культурой. Они часто были как бы втянуты в культуру.

И есть почти некритический взгляд на культуру и отсутствие способности встать над культурой, почти некритический взгляд на культуру, почти принимающий все, что говорит культура. И позвольте мне привести два примера этого. Когда у нас были лекции Германа? Думаю, недели две назад, может быть, когда Оуэн Гингрич был здесь и проделал в этом мастерскую работу.

Но один из них был своего рода некритическим взглядом на науку, своего рода просто принятием всего, что говорит и чему учит наука, без критики этого, без того, чтобы отступить и сказать, где наука права? А где наука не права? Или где наука права? И где религия может говорить с наукой? Так что, это почти как если бы они полностью отделили религию от науки. И они не смогли иметь своего рода пророческий и критический взгляд на научное исследование. Второе место, конечно, в историческом исследовании.

И это то, что они были вовлечены в своего рода радикальную библейскую критику. Так что, поскольку библейская критика стала немного дикой, в некотором смысле, эти люди, похоже, не смогли сделать шаг назад и сказать, что библейская критика является правдивой. Может быть, здесь есть некоторые правдивые вещи, которые я могу принять.

Но есть ли в библейской критике вещи, которые не являются правдивыми и должны быть оспорены? И я не думаю, что они справились с этим хорошо. Я думаю, что они просто были приняты библейской критикой, куда бы она ни направлялась. И если вы приняты такого рода силами культуры, то у вас нет способности судить культуру, пророчески говорить с культурой и критиковать культуру.

Так что они стали, иронично, что они стали рабами культуры. Потому что иногда это была культура, с которой они хотели поговорить, особенно когда дело касалось социальных проблем. Но они часто становились рабами культуры.

Они стали такими , они стали формироваться под влиянием культуры. Хорошо, это третье. Номер четыре.

Четвертое — все должно быть взвешено и измерено для них опытом. И я думаю, что это становится проблематичным. Есть некоторая истина, которая является объективной истиной, которую не нужно взвешивать или измерять через опыт и Бога, становящегося плотью, например.

Я вижу это как объективную истину, которую не нужно взвешивать или измерять моим опытом. Но для классического протестантского либерализма все должно было пройти через шкалу опыта. И помните, я просто вернусь к картине Шлейермахера здесь.

Упс. Я имею в виду, просто имена здесь. Упс.

Помните слово *gefühl* . *Gefühl* . Помните, мы говорили, что это абсолютная зависимость конечного от бесконечного.

Ну, это опыт. *Gefühl* — это опыт. Так что все должно измеряться опытом.

Для этих людей все должно пройти через планку опыта. Поэтому акцент на опыте, на чувствах и подобных вещах становится проблематичным. Ладно, номер пять в моем списке в любом случае — это оценка слабости критики.

И это из-за их низкого взгляда на грех , и они были слишком оптимистичны в отношении будущего. Поэтому у них был низкий взгляд на грех. Они не верили в первородный грех.

Они верят в греховные действия, но не верят в первородный грех. И у них был, потому что у них был низкий взгляд на грех, у них был высокий взгляд на будущее и на то, чего люди могли достичь в будущем. Хорошо.

И поэтому они действительно верили, я думаю, они действительно верили, что Царство Божие будет создано человеческими действиями. Что это не так, они не видели Царство Божие как вмешательство, вторгающееся в историю, но они видели Царство Божие как то, что мы можем растить и развивать с помощью хороших социальных процессов. Это стало проблематичным.

Итак, позвольте мне привести пример этого. В начале 20-го века классический протестант, на самом деле, я как раз сегодня утром, я смотрел этот, последний выпуск, но в начале 20-го века классический протестантский либерализм начал издавать журнал, и он назывался *Christian Century*. И он назывался *Christian Century*, потому что 20-й век должен был стать *Christian Century*.

И они до сих пор публикуют его под этим названием. И я читал его, но так странно, что они до сих пор используют это название, «Христианский век», потому что я ненавижу говорить это классическим протестантским либералам, но 20-й век не оказался христианским веком. У вас была Первая мировая война, у вас была Вторая мировая война, у вас был Холокост, у вас была Корейская война, война во Вьетнаме.

Я имею в виду, что христианский век оказался жестоким и кровавым веком. Это был совсем не христианский век. Так что, эта чрезмерно оптимистичная точка зрения, что мы можем как бы построить королевство нашими социальными процессами, как вы можете поддерживать эту точку зрения, когда вы смотрите на то, что произошло в 20 веке? Становясь все лучше и лучше, люди были отравлены газом; сотни тысяч людей были отравлены газом в Первой мировой войне, Второй мировой войне, во всех этих убийствах и Холокосте.

Как можно поддерживать взгляд на христианский век, когда вы реалистично смотрите на 20-й век? Так что, это отчасти из-за их низкого взгляда на грех, что у них было это. Так что, хорошо, другой вид критики, и это чрезмерный акцент на своего рода морализме, быть хорошим моральным человеком, быть хорошим этическим человеком, потому что это привело их к своего рода спасению делами. Это привело их к своего рода, вы спасены, потому что вы хороший человек, вы делаете хорошие моральные и этические вещи.

Итак, с таким пониманием мы возвращаемся к тому, против чего боролся Лютер. Итак, происходит снижение акцента на благодати и переоценка дел. И, наконец, конечно, низкий взгляд на откровение.

Бог явил себя . Как? Ну, во-первых, он явил себя как личность через Христа, а Христос явил себя через Писание, но у него низкий взгляд на откровение, без сомнения. И это идет вместе с высоким взглядом на наши собственные человеческие ресурсы. Так что теперь я хочу упомянуть здесь еще одно имя в качестве резюме.

И его зовут Х. Ричард Нибур. И у меня есть фотография Х. Ричарда, и я снова сделал даты с Х. Ричардом Нибуrom, 1894 и 1962. Короче говоря, о Х. Ричарде Нибуре, потому что мы рассмотрим братьев Нибур в более поздней лекции.

Но Х. Ричард Нибур был великим, сегодня мы его называем, мы используем термин публичный теолог. Я не думаю, что они использовали этот термин тогда. Я думаю, что это довольно новый термин.

Но в любом случае они используют термин публичный теолог. Он был публичным теологом, преподававшим в Йеле. Так что он был очень известным человеком в жизни церкви и в более широкой культуре тоже.

Люди знали имя Х. Рихарда Нибура. Теперь, это не важно здесь; вам не нужно этого знать, но его брат был, вероятно, даже немного более знаменит. Его брата звали Рейнхольд Нибур.

Но мы поговорим о братьях Нибурах в другой лекции. Но Х. Ричард Нибур — теолог, социолог и т. д. И он рассмотрел классический протестантский либерализм.

Он также написал довольно едкую книгу под названием «Царство Божие в Америке», которая была о классическом протестантском либерализме. Теперь, в «Царстве Божием в Америке», в одном предложении, он как бы сделал это в классическом протестантском либерализме. Он сказал, Бог без гнева, потому что, видите ли, у них был хороший Бог, без гнева, привел человека без греха, потому что они не верили в первородный грех, в царство без суда.

Итак, царство было просто своего рода социальным прогрессом, без суда над царством, через служение Христа без креста. Через работу Христа, но без креста. Работа Христа, в которую верил классический протестантский либерализм, была быть хорошим человеком, хорошим моральным авторитетом и образцом того, как мы должны жить.

Это одно предложение из книги «Царство Божие в Америке». Но вы могли бы пожелать, чтобы такие предложения попадались вам на глаза, когда вы думаете о чем писать. Вы могли бы надеяться, что сможете придумать такое предложение.

Одним предложением он уничтожил классический протестантский либерализм. Бог без гнева привел человека без греха в царство без суда через служение Христа без креста. И это была его оценка классического протестантского либерализма.

У его брата была похожая оценка. У Рейнхольда Нибура была похожая оценка. Так вот.

Это конец истории, в каком-то смысле, классического протестантского либерализма. Хорошо. Чтобы показать конец истории, позвольте мне просто привести быструю иллюстрацию из моей личной жизни.

Нет, я не рос классическим протестантским либералом, а потом обратился. Но в Университете Брауна был очень известный профессор, который много работал над фундаментализмом и евангелизмом. И это было много лет назад.

Он также делал доклад о евангелизме. Но у него не было никого, кто мог бы ответить на этот доклад в Брауне. Я имею в виду, он сам был либералом.

Он интересовался фундаментализмом и евангелизмом только академически. У него не было сердечного интереса к фундаментализму или евангелизму, но он был ученым того периода времени и тех движений. Так что он делал доклад в Брауне о евангелизме.

Но ему нужен был евангелист, чтобы ответить на газету. И они не смогли найти его в Брауне. Поэтому они искали вокруг.

Итак, они нашли меня. Итак, они спросили меня, не пойду ли я и не отвечу ли на газету. Это был прекрасный ужин и очень интересный вечер.

Ну, мне не пришлось давать много ответа в статье, потому что он в своей статье говорил, что классический протестантский либерализм, который мы знаем со времен Шлейермахера, сейчас, и слово, которое он использовал, банкрот. Он банкрот. От него ничего не осталось.

Давайте посмотрим правде в глаза. Теперь это очень интересно, потому что он говорил, что как классический протестантский либерал, который почти никогда не ходил в церковь или даже, знаете ли, он не видел в этом необходимости. Так что, как классический протестантский либерал, он нашел в христианстве ту живость, которую он нашел в евангелизме.

Это живо. Это живо. Эти люди действительно во что-то верят.

Так что, знаете, мне не пришлось много отвечать на статью. Я просто согласился с тем, что он сказал, как евангелист. Я сказал, вы правы, вы знаете.

Но, знаете, банкрот, если использовать это слово, вау, как человек, который сам в этой традиции, но использовать слово банкрот, это довольно жестко, но это правда. Классический протестантский либерализм закончился таким образом. Сейчас все еще есть своего рода классические протестантские либералы вокруг сегодня, и христианский век все еще публикуется, но там не так много содержания.

Я просматриваю его, потому что, знаете ли, просто чтобы посмотреть, есть ли что-то, что я могу использовать, но там не так много содержания. Итак, это возникновение и развитие либеральной теологии. Может быть, мне нужно

переименовать эту лекцию, Возникновение и развитие и смерть либеральной теологии, потому что она мертва.

Его больше нет. Он банкрот. Поэтому должны быть другие движения, которые займут его место.

Итак, ладно, позвольте мне остановиться на этом. Начиная с Шлейермахера, важны три больших имени, которые мы упомянули. Шлейермахер, Раушенбуш, как он вписывается в это, и Х. Рихард Нибур и какова была его критика этого.

Но есть ли у вас другие вопросы об этом движении? Как я уже сказал, вы видите его остатки сегодня. У него нет и близко той силы, которая была при таких людях, как Шлейермахер или некоторые ранние формовщики в 19 веке или начале 20 века. Но что-нибудь об этом? Вы в порядке? Вы понимаете, что мы здесь делаем? Итак, маятник немного качнулся туда с точки зрения теологии.

Все готово? Хорошо. Теперь позвольте мне остановиться на минутку. Вот и все заметки к лекциям на следующий понедельник.

Итак, понедельник охватывает лекцию 7 включительно. Итак, он охватывает четыре. Я думаю, это с четвертого по седьмой. С пятого по седьмой.

Четыре, пять, шесть, семь. Он охватывает эти четыре лекции и все сопутствующие чтения по этим лекциям. Так что нас это устраивает.

А потом, в среду, ты принесешь мне несколько вопросов из прочитанного. В пятницу у нас будет еще одно занятие, чтобы подготовить тебя к экзамену. А экзамен будет у меня в пятницу.

Так что я смогу убедиться, что вы на верном пути со всеми вашими вопросами и всем остальным. И тогда мы побежим. Итак, мы почти в ноябре.

Ладно. Ну, давайте в любом случае начнем следующую лекцию — лекцию номер восемь.

Это теология евангелизма в 19 веке. Итак, у вас есть ваш план на странице 14, теология евангелизма в 19 веке. Теперь, я подумал, как мне подойти к этой лекции? Как мне добраться до того, что происходит в евангелизме в 19 веке? И на самом деле, я решил в этом курсе подойти к этому через то, что происходило в Англии.

В Англии в 19 веке было два довольно крупных движения, о которых я собираюсь прочесть лекцию. Первое называется Оксфордское движение. Итак, мы будем много говорить об Оксфордском движении.

Это очень важно. Это действительно было сосредоточено на экклезиологии и отношениях церкви с государством. Я также читал лекцию об Армии Спасения в этой лекции.

Итак, позвольте мне сказать кое-что об этом, а затем мы перейдем к Оксфордскому движению. Я связан с Армией спасения, как вы знаете, как мирянин. Однако Армия спасения была очень важным движением в Британии в 19 веке.

И поэтому я решил, что, хотя у меня есть личный интерес к этому, я решил, что мне, вероятно, следует продолжить и прочитать лекцию об этом в любом случае. Марк Нолл в книге «Поворотные точки» помнит, о чем мы говорили в пятницу, но в книге «Поворотные точки» он назвал другие поворотные точки, которые он мог бы выбрать, но не выбрал. И одна из них — Армия спасения.

Он мог бы выбрать Армию Спасения как поворотный момент, потому что это было так. Так что, я надеюсь, вы это примете. Причина, по которой я это делаю, — евангелизм в 19 веке. Оксфордское движение — это движение высокой церкви, а Армия Спасения — это движение низкой церкви.

Итак, я сравнил и противопоставил два движения. Теперь, по этим терминам, я не использую эти термины. Никто не имеет привилегированного места.

Я просто использую эти термины в терминах экклезиологии, понимания церкви, того, как церковь должна быть организована и т. д. Оксфордское движение, очень высокая церковь. Армия спасения, низкая церковь в терминах своей экклезиологии, также служила бедным.

Итак, вот куда мы направляемся. Итак, ладно. Давайте сначала поговорим, А, об Оксфордском движении, и давайте дадим введение в Оксфордское движение и в то, что такое Оксфордское движение.

Позвольте мне изменить это, чтобы у нас было это для Оксфордского движения. Хорошо. Упс.

Ладно. Да. Хорошо.

Хорошо. Хорошо. Введение.

Оксфордское движение. Хорошо. Вы можете сказать Оксфордскому движению, мы говорим об Англии.

Это началось в Оксфорде, то есть в Оксфордском университете, поэтому это называлось Оксфордским движением. Вот три термина, которые я использую для Оксфордского движения, когда читаю лекции об Оксфордском движении. Хорошо.

Во-первых, это было очень значимое движение. Мне нравится этот термин. Очень важное движение.

В этом нет сомнений. Во-вторых, это было глубоко набожное движение. Очень набожное.

Люди хотят действительно понять природу христианства и т. д. Глубоко набожное движение. Хорошо.

И номер три, это было намеренное «я»; это было очень самосознательное движение. Очень самосознательное по поводу своего собственного формирования и формирования. Так что мне нравятся эти термины.

Весьма значимым. Глубоко набожным. Крайне самосознательным было это движение.

Теперь, вы, возможно, пока ничего не знаете об этом движении, но вы узнаете, я надеюсь, когда мы прочитаем о нем лекцию. Но просто запомните эти три термина в качестве введения. И как я уже упоминал, это движение началось в Оксфордском университете.

Вот с чего все началось, и вот почему это было так важно. Ладно. Еще одно в качестве вступления.

Это движение хотело вернуться к пониманию Церкви. Теперь, Церковь, мы используем заглавную букву С, потому что они говорят о Невесте Христа, Теле Христа. Они не обязательно говорят о деноминации, хотя она будет иметь конфессиональные наклонности.

Но они не говорят о деноминации. Они говорят о Церкви, Теле Христовом в Новом Завете. Хорошо. Это движение — движение, которое хотело видеть Церковь в Теле Христовом как исключительно божественное движение.

Ладно. Только божественное движение. Движение, сформированное только Богом.

Ладно. И где они это увидели? Теперь, помните, это движение, это Оксфордское движение, это движение 19-го века. Хорошо.

Где они это видят? Они видят это в Новом Завете. В Новом Завете они открывают свои Библии и видят Новозаветную Церковь, Тело Христово, как божественное, только божественное движение. Они также видели это в ранней Церкви.

Итак, скажем, первые 400 лет Церкви. Теперь, с тех пор, были, насколько они обеспокоены, мы как бы пытаемся увидеть это через их очки, но с тех пор были попытки государства контролировать Церковь. Были попытки государства формировать Церковь, управлять Церковью, организовывать Церковь и контролировать Церковь.

И они видели это в Риме, но они также видели это со времен Реформации. О, они видели это в средневековой Римско-католической церкви. Они видели это со времен Реформации, даже в протестантизме.

Они видели попытки государства формировать Церковь и, следовательно, сделать Церковь, в некотором смысле, менее божественным институтом и более человеческим институтом. Они пытались как бы изменить Церковь действиями правительства, понимаете? Так что, насколько они обеспокоены, это не была Церковь Нового Завета. Они живут в Англии.

Эти люди — англикане. Они смотрят на свою церковь и говорят: это Церковь Нового Завета или это Церковь первых четырех столетий? Их ответ был: нет, это не потому, что она слишком сильно контролируется государством. Это слишком государственная церковь.

В каком-то смысле, для этих людей это лишено своей полной божественности. Понятно? Итак, они начинают смотреть на Церковь Нового Завета и на раннюю Церковь как на свою модель. Это их пример.

Это их модель. Это то, что их интересует. Хорошо, давайте подумаем об этом минутку.

Вот как они думают теологически. Но в 19 веке они живут в движении, и они помогают формировать движение, но они также живут в движении. И как мы обычно называем 19 век? Эпоха романтизма.

Эпоха романтизма. А что является одной из вещей, характеризующих романтизм в более широком культурном плане? Одна из вещей, характеризующих романтизм в более широком культурном плане, — это взгляд назад в прошлое и видение прошлого как значимого для формирования культуры и так далее. Так что романтиками часто были люди, будь то поэты, писатели или музыканты, которые оглядывались назад в прошлое и видели, что

мы должны принять то, чему научились в прошлом, если мы действительно собираемся быть теми, кем должны быть и так далее.

Итак, похоже, что эти люди являются продуктами своей культуры, романтического века, в котором они живут, но можно также сказать, что они также являются создателями этой культуры. Они также являются создателями этого романтизма. Так что вы могли бы увидеть это, возможно, увидеть это с обеих сторон.

Но многое происходит как в теологическом, так и в культурном плане, чтобы сформировать то, что мы называем движением, называемым Оксфордским движением. Хорошо, сказав это, мы попытаемся лучше понять низ. Мы собираемся заняться началом Оксфордского движения, переходом в Римско-католическую церковь и реакцией Англиканской церкви.

Итак, два, три и четыре. Это было начало Оксфордского движения. А произошло то, что, помните, мы говорили, о чем этот курс? О правильных людях в правильном месте с правильными идеями.

И вот что произошло в начале 19 века: группа священнослужителей в Оксфордском университете обсуждала, какой должна быть природа церкви. Так что, на самом деле, еkkлeзиология была их центром внимания. Так что эти люди говорили об этом в нужном месте.

Они поддерживали друг друга тем, что писали, и тем, о чем говорили, и в конце концов что-то взорвалось, и вас называли Оксфордским движением. Итак, хорошо. Теперь, первый человек, о котором мы думаем, когда думаем об Оксфордском движении, это человек из Оксфорда по имени Ричард Фруд, ФРУД.

Обратите внимание на даты, интересные даты, 1803, 1836. Этот человек умер, когда ему было всего 33 года. И все же, он один из тех, кто заставляет все это двигаться, заставляет все это двигаться своим мышлением.

Теперь, для него, церковь, церковь, идеальная церковь — это примитивная церковь, ранняя церковь, церковь Нового Завета в первые четыре столетия или около того. Произошло разложение церкви со времен Реформации. Реформация как бы развратила церковь.

Реформация сделала церковь тем, чем она никогда не собиралась быть. И нам нужно вернуться к той примитивной церковной жизни. Ладно.

Итак, он проповедует, он учит, он пишет и он хочет возрождения. Но это не то возрождение, о котором вы думаете, когда думаете о ком-то вроде Чарльза

Грандисона Финни или Джорджа Уайтфилда. Это не то возрождение, которого он хочет.

Он хочет возрождения ранней церкви, и поэтому он настаивает на трех вещах. Если мы сможем принять эти три вещи в церкви, мы будем больше похожи на раннюю церковь. Мы будем больше похожи на церковь, которую Бог задумал.

Ладно. Номер один. Теперь он говорил о других вещах.

Я просто использую эти три как показательные. Хорошо. Вы понимаете? Так что, хорошо.

Номер один, нам нужно вернуться к посту. Ранняя церковь постилась. У нас нет той дисциплины поста, которая была у ранней церкви.

Нам нужно вернуться к этому. Номер два. Теперь, помните, он сейчас говорит как англиканин.

Он не римский католик. Во-вторых, нам нужно вернуться к целибату для духовенства. Все духовенство должно быть целибатом.

Они не должны быть женаты. Они не должны иметь детей и т. д. Нам нужно вернуться к целибату священников.

Теперь, вот по этому второму пункту, он немного не в себе, потому что безбрачие священников на самом деле не было частью этих первых четырех столетий. Безбрачие священников не дошло до 11-го века или около того, но именно так он представляет себе безбрачие священников ранней церкви. И затем, номер три, мы должны вернуться к почитанию святых.

Не поклонение святым, а почтение святым. Поэтому нам нужно вернуться к почитанию святых ранней церкви. И если бы мы могли вернуться к такого рода вещам, если бы мы могли получить возрождение такими способами, то церковь снова ожила бы так, как не было со времен Реформации.

Итак, он смотрит дальше Реформации. Он смотрит через Реформацию на раннюю церковь и говорит: «Боже, если бы мы могли стать такими, мы бы действительно стали той церковью, которой Бог ее задумал». Так что он один из глашатаев того, что стало известно как Оксфордское движение.

Позвольте мне дать вам второй. Теперь я должен дать вам небольшой перерыв. Я еще не сделал этого сегодня.

Но позвольте мне упомянуть о втором. Да. Итак, Ричард Фрост.

Фруд, я думаю. Это хорошо... Да, я не... Да. Звучит так, как будто он был католиком.

Верно. Ты движешься в правильном направлении. Он пока не совсем католик.

Он все еще англиканский священник, и он все еще говорит об этом со своими друзьями. И движение фактически перешло в католицизм. Это будет в конце истории.

Но он умер до того, как этот переход в католицизм был совершен. Он умер в 1836 году. Так что он не дожил до того, чтобы увидеть конечные результаты этого.

Но мне и всем, кто его слышал, это звучит по-католически. Это правда. Но, да. Что-нибудь еще о Ричарде?

Позвольте мне упомянуть Джона Кибла, и тогда я должен дать вам передышку. Кибл, второй. О, я написал... Да, вот он.

Джон Кибл. Жил до 1866 года. Так что вы можете знать его как поэта.

Он был великим поэтом и проповедником. Если есть какой-то проповедник, связанный с Оксфордским движением, то это Кибл. Так? И Кибл действительно проповедовал.

Позвольте мне дать вам... Я не указал дату проповеди. Вот дата. 14 июля 1833 года.

14 июля 1833 года. Название проповеди — «Национальное отступничество». Национальное отступничество.

14 июля 1833 года. Он проповедовал в... Я думаю, это была церковь Св. Марии в Оксфорде, но он проповедовал в одной из церквей Оксфорда. И эта проповедь действительно была своего рода водоразделом, потому что в ней он хотел отделить Церковь, Церковь с большой буквы, тело Христово, от любого государственного или национального контроля.

Нам нужно выбраться из-под этого. Знаете, нам нужно стать больше похожими на примитивную церковь, которая не находилась под каким-либо национальным или государственным контролем. Поэтому он проповедует о национальном вероотступничестве.

Но, формулируя свои принципы, интересно, что он много говорит о Евхаристии. Так что не в этой проповеди, а в других проповедях и другими способами он говорит о Евхаристии. Позвольте мне упомянуть две вещи, которые он говорит о Евхаристии.

Посмотрим, звучит ли это по-протестантски, или по-католически. Посмотрим, звучит ли это как Лютер или Кальвин, или это больше похоже на Святого Августина или что-то в этом роде из первых четырех веков? Хорошо, позвольте мне упомянуть две вещи.

Номер один — это способ, которым вы спасаетесь. Способ, которым вы спасаетесь, — это принятие тела и крови Христа в Евхаристии. Так что, насколько он понимает, это способ, которым спасение приходит к вам, потому что это тело и кровь Христа. Теперь, звучит ли это более по-католически или это звучит более по-протестантски? Это звучит более по-католически, конечно, потому что, насколько он понимает, это было учением ранней церкви, и нам нужно вернуться к этому учению.

Итак, спасение приходит через Евхаристию, а Евхаристия для него — это тело и кровь Христа. Так что это номер один. Номер два: Евхаристия действительно совершается только священниками, которые находятся в апостольской преемственности со времен Петра.

Итак, есть апостольская преемственность со времен Петра. Только священники, которые находятся в этой апостольской преемственности, могут совершать Евхаристию. Теперь, звучит ли это более по-католически или более по-протестантски? Мне это кажется вполне католическим.

В любом случае, особенно если вернуться к Петру, у вас есть эта апостольская преемственность, и только этим священникам разрешено совершать Евхаристию. Так что это не похоже на Реформацию. Это звучит довольно по-католически.

Итак, Кебл был великим проповедником, великим поэтом, великим писателем и очень влиятельным человеком. Как только он начинает говорить об этом движении, он начинает говорить действительно в католических терминах, католической терминологии. Евхаристия, пресуществление, тело, кровь, апостольская преемственность.

Об этом все говорили еще в ранней церкви. Так что Кебл очень, очень важен. Так что первые два парня действительно важны.

Третий парень, бесконечно, ну, третий парень, очень важно, но я должен дать вам передышку. Возьмите небольшую передышку. У нас сегодня не было передышки, не так ли? Благослови ваши сердца.

Понедельник. Вторая половина семестра. Мы ведь движемся дальше по жизни, не так ли? Мы движемся.

Итак, у вас есть вопросы, пока вы здесь? Растягивайтесь, ломайтесь, надейтесь. Да. Он пока не совсем говорит о Петре как о папе.

Он, они в конечном итоге, потому что они собираются стать католиками. Но через Петра он был первым епископом церкви. И поскольку он назначал и помазывал епископов, апостольская преемственность осуществляется через епископов церкви.

Итак, единственные, кто может причащать, это епископы церкви. И поскольку они затем рукополагают служителей, они дают, или рукополагают священников, я, вероятно, должен сказать, но поскольку они рукополагают священников, они дают священникам эту власть преподавать Евхаристию и все такое. Но это не может быть дано мирянами.

Его не могут давать служители других конфессий. Там были пресвитериане, и вокруг него были баптисты. Там были пресвитериане вокруг.

Он вообще этого не признавал, так как вокруг были методисты. Он не признаёт это законным, законной Евхаристией. Только как люди, которым дана апостольская преемственность, это действительно тело и кровь Христа.

Так, было еще кое-что, пока мы тут на минутку остановились. Ладно. Давайте тогда рассмотрим номер три, а потом я вас отпущу.

Номер три, самый важный человек во всем движении. И его имя Джон Генри Ньюман. И вот его даты: 1801-1890.

Было много других людей, и мы могли бы упомянуть других. Я просто выбрал этих троих, но другие люди на самом деле, он самый важный из всех. Хорошо.

Джон Генри Ньюман, интеллектуальная сила. Думаю, и другие тоже, но интеллектуальная сила, в этом нет сомнений. Интересно, что в первые дни своего служения в качестве священника в англиканской церкви он считал себя евангелистом.

Итак, он бы использовал термин «евангелический» так же, как Уэсли использовали термин «евангелисты» в более раннем веке. Но он считал себя евангелистом. Это важный маленький факт.

Теперь, что собирается сделать Ньюман, это, извините, я думал, что у меня есть этот термин здесь. Мне просто нужно найти термин. Разве я не? Хорошо.

Ну, благослови меня Бог. Я не записал этот термин. Ладно.

Ладно. Я живу и учусь. Так что вернемся на минутку.

Ладно. То, что начал делать Ньюман, он хотел писать. И чтобы влиять на людей, он хотел влиять на них проповедью и писательством.

Итак, он начинает публикацию под названием Tracts for the Times, TRACTS. Tracts for the Times, TRACTS. Мне нужно перенести это в PowerPoint.

Tracts for the Times. Он начал это в 1833 году. Это своего рода начало движения, 1833 год.

Хорошо. Теперь, когда вы думаете о слове «трактат», что вы думаете? Кто-то вручает вам трактат на железнодорожной станции или где-то еще; что вы о нем думаете? Две страницы, три страницы, довольно читабельно и так далее. Это были как трактаты.

Так вот, это были не трактаты, просто, знаете, две страницы или что-то в этом роде. Это были как бы трактаты, которые были записаны — трактаты для Times.

Это были серьезные статьи о теологии. И в 1833 году он начал публиковать эти вещи под названием «Трактаты для Таймс». Так что, ладно.

Происходит то, что по мере того, как он публикуется, и по мере того, как вы следите за Tracts for the Times, сам Ньюман становится все более и более католиком. Он звучит все менее англиканским, и он определенно звучит все менее евангельским, и он звучит все более и более католиком. И так он начал видеть христианскую церковь.

Он начал видеть христианскую церковь. Во-первых, вы знаете, я думаю, что у меня есть это. У меня есть это.

Хорошо. Благослови мое сердце. Вот мы и здесь.

Мне просто нужно выставить этот слайд. Хорошо. Есть брошюры для Times.

Ладно. Он начал, когда начал писать. Он видел англиканскую церковь как великий *via media*, как великий срединный путь. Я не осознавал, что это было десять после.

Мне нужно вас отпустить. Я вернусь к этому в среду.

Это доктор Роджер Грин, его курс истории церкви, Реформация до наших дней. Это сессия номер 16, Ответ либерализму.